

ОБРАЗНО-СТИЛЕВЫЕ СРЕДСТВА АДЫГСКИХ ПОСЛОВИЦ; МЕТАФОРА, СРАВНЕНИЕ, ЭПИТЕТ

Кудаева Зинаида Жантемировна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры русской и зарубежной литературы Социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, zina_777@bk.ru

В статье ставится задача выявления законов и принципов художественного построения адыгских пословиц, с использованием метафоры, сравнения и эпитета. Указанные средства художественной выразительности рассматриваются не только в качестве основных приемов создания образности в жанре пословицы, но в сопоставлении с их ролью и функцией в жанре адыгской загадки. В результате проведенного исследования выявлено сходство и различия в объектах и способах изображения для метафорического типа пословиц и загадок; определена специфика использования в художественном построении пословицы сравнения и эпитета. Выявленные закономерности и специфические особенности использования метафоры, сравнения и эпитета в жанре адыгских пословиц могут способствовать дальнейшему углублению исследований в области поэтики адыгского фольклора.

Ключевые слова: адыгские пословицы, поэтика, метафора, эпитет, сравнение.

Исследование поэтики адыгских пословиц и поговорок представляет собой один из актуальных вопросов, выдвигаемых комплексным исследованием системы жанров адыгского фольклора. Эта проблема лежит в русле интересов современной филологии, и не случайно разработку принципов исторической поэтики фольклора Н.И. Кравцов связывал с необходимостью «...раскрыть общие закономерности и процессы возникновения и развития художественных форм, способов и приемов изображения и выражения, основ сюжетосложения и средств создания человека» [Кравцов 1977: 10]. Выявление законов и принципов художественного построения адыгских пословиц – одно из средств, позволяющих определить и выявить их жанровое своеобразие что, в свою очередь, приближает к решению более широких проблем поэтики адыгского фольклора: общих принципов построения образов, приемы ритмической и композиционной организации текста и т.д.

Изучение поэтической организации пословиц предполагает анализ и выявление приемов образной и стилевой организации текста, композиционного построения, особенности эвфонической и ритмической организации пословиц. В данной статье ставится задача исследования некоторых образно-стилевых приемов, характерных для поэтики адыгских пословиц.

Пословичный фонд адыгов представлен, как и во многих других культурных традициях, пословицами с образной мотивировкой (метафорическими пословицами) и с прямой мотивировкой общего значения [Пермяков 1970; Пермяков 1975]. Соответственно, при анализе поэтической формы пословиц используется дифференцирующий подход, учитывающий ее принадлежность с одному из указанных типов. Художественная форма пословицы организуется с использованием большинства общефольклорных художественных средств и приемов –

тропов (метафоры, сравнения, эпитета, олицетворения и др.), поэтических фигур (анафоры, симплоки, антитезы) фонетических (аллитераций, ассонансов, звукоподражаний) и ритмических.

Следует отметить, определенное сходство внутренней структуры, внешней формы и способа организации образа в метафорических пословицах и загадках. В силу присущего сходства организации образа между этими жанрами становится возможным явление паремиологической трансформации [Пермяков 1975: 262; Башгёз 1978: 317–318; Милнер 1978: 317; Кууси 1978: 315–317].

Достаточно сопоставить метафорическую загадку, например, о перце: *Уд бын ди бжыхь гъуанэ кьыдоплъ. (Шыбжий)* – Семейство ведьм выглядывает из дырки в нашем плетне – с метафорической пословицей, например: *Дзыгъуибгъу зэдеГэмэ, кхъуей Кладацхьэр трач* – Если девять мышей вместе потянут, то могут сорвать крышку с кадки с сыром, – чтобы увидеть адекватность техники создания образа с помощью метафорической замены означаемого.

Для пословицы с образной мотивировкой общего значения и метафорической загадки характерны схожие приемы создания образа с помощью метафорической замены означаемого. Так, например, метафорическая загадка образуется отнесением образа уподобления к предмету отгадывания: *Уд бын ди бжыхь гъуанэ кьыдоплъ. (Шыбжий)*. – Семья ведьм выглядывает из дырки в нашем плетне. Перец. Предмет отгадки – «перец» соотнесен и уподоблен «семье ведьм». М.И. Башгёз, основываясь на анализе турецких пословиц и загадок, приходит к выводу, что для того чтобы пословица сделалась загадкой, достаточно исключить подлежащее пословицы и сделать его ответом [Башгёз 1978: 318].

Метафорические пословицы соотносятся, как правило, с человеком, присущими ему свойствами, установками, закономерностями его поведения, мировоззрением. Объектом ее изображения является конфликтная ситуация, иносказательное разрешение и оценку которой (выраженную в прямой форме или через модальность) несет образ. Пословица ориентирована, нацелена на указание определенных свойств с помощью намека на некоторый сходный объект, которым, как правило, является человек со свойственными ему проблемами.

Цель загадки – иносказательное отнесение свойств некоторого объекта к мыслимому (загаданному) предмету. «В обоих случаях,- пишет известный исследователь Дж. Милнер, – говорящий не досказывает чего-то, что и так известно слушающему и без чего невозможно найти соответствие между мнимым и истинным сообщением. Элемент намека является, следовательно, общим для загадки и пословицы» [Милнер 1978: 317]. Образы пословицы и загадки выбраны так, что они способны объять целый пучок аналогичных по структуре явлений. Дж. Милнер, опираясь на К. Леви-Стросса, утверждавшего, что загадка – «...вопрос, рассчитанный на отсутствие ответа, а известные высказывания, эпизоды из мифов, истории и т.д., <...> ответы, к которым нет вопроса», высказывает мнение, что пословицы принадлежат ко второй категории жанров [Милнер 1978: 317].

Загадка, как правило, статична, объекты ее рассеяны преимущественно в предметно-бытовой области. Корпус загадок в каждой национальной культуре – это глобальная описательная и иносказательная номенклатура предметов и объектов, окружающих человека.

Область компетенции пословицы – соотношение взглядов, мыслей, представлений. Пословица, как правило, авторитарное разрешение конфликта, причем конфликта общественного, разрешаемого с точки зрения правил и установок, принятых в данном обществе. Пословица – это всегда истина. Однако истинность эта относительна, принята в данном обществе, у данного этноса, а иногда только у данной социальной группы. Поэтому в пословичном фонде одного народа можно встретить пословицы, выражающие абсолютно противоречивые истины.

Вышеприведенные рассуждения позволяют сделать вывод о том, что метафорическая загадка организуется при помощи соотнесения образа уподобления и предмета отгадывания по принципу аналогии. Принципы построения образов метафорической пословицы и загадки тождественны. Денотатом того и другого метафорического образа служит объект, в самом тексте неназванный. Разница состоит в том, что загадка выдает его в виде отгадки, пословица же – в виде контекста, определяющего ее смысл. «Способы создания оппозиции в пословицах, – пишет Алан Дандис, – удивительно похожи на те, при помощи которых создается оппозиция в загадках. Однако, если в загадке противоречие разрешается ответом, то оппозитивная пословица сама как бы служит ответом на определенную ситуацию» [Дандис 1978: 32].

Метафора пословицы, в отличие от загадочной, не столь произвольна, что мотивируется, во-первых, тем, что пословица как фольклорный жанр лишена игрового характера; это не главная ее задача, в ее функцию не вводит создание соответствующей игровой экспрессии как в загадке. Во-вторых, образы пословицы и загадки различным образом мотивированы: цель загадочного образного описания – завуалирование объекта отгадки; цель пословичного образа – максимальная тождественность подразумеваемому в контексте объекту. В соответствии с этим образ пословицы должен обладать максимальным диапазоном принятых в данном обществе аналогий, т.е. быть общественно принятым (что, как правило, исключает индивидуальное поэтизирование), чтобы любой представитель данной языковой культуры мог автоматически соотнести приведенные признаки с предполагаемым объектом.

Однако метафора пословицы сама по себе обладает достаточно большим кругом ассоциаций, чтобы быть скорректированной другими членами пословичного текста аналогично функции второй части загадки. Например: *Мыцэр зыпIам йобэныж* – Медведь бросается на тех, кто его вырастил. *Цывыр у и пашэмэ, вэнвейм ухеша* – Если твой вожак жук – он приведет тебя в навоз; *Шыцхьэр пIэцIэкIмэ, шыкIэм укIэлрьымыIэбэж* – Если ты упустил голову лошади, не лай вслед лошадиному хвосту. *ЯгьэфIэрей джэдур цхьэнтэтесу кьонэж* – Избалованная кошка остается сидящей на подушке. *Дыгьужьым мэл зыфIихьыну* *и пыIэ шыгумкIэ кьещIэ* – Волк узнает того, у кого он унес овцу по верху его шапки; *Шым епсыху, шыдым шэскьым* – Слезая с коня, не садятся на ишака; *Хьушэм кьыкIэрыхуа мэлыр дыгьужьым пэцIохуэ* – Отбившаяся от стада овца становится добычей волка.

Присутствие в текстах метафорических пословиц и загадок, «корректирующих» элементов, уточняющих признаков, по каналам которых осуществляется связь между объектом и образом, является общей для этих двух жанров.

Предметно-образные реалии адыгских пословиц – отображение вызвавшей их к жизни действительности. Господством скотоводческого, земледельческого способа производства и связанного с ним образа жизни мотивировано частое употребление образов домашних животных, земледельческих орудий труда, диких и промысловых животных. Анализ состава метафор, употребляющихся в пословицах, мог бы способствовать выявлению специфики образной символики фольклора адыгов. Однако система образов пословиц других народов также мало изучена, что делает затруднительным такого рода исследование. В пословицах адыгов наиболее продуктивными являются следующие лексемы, употребляющиеся как метафоры: *вы* – вол, *жэм* – корова, *джэд* – курица, *шы* – лошадь, *хьэ* – собака, *ху* – просо, *хугу* – пшено, *джэдыкIэ* – яйцо, *джэджьей* – цыпленок, *мэл* – овца, *бжэн* – коза, *бжьэ* – пчела, *бзу*-птица, *бланэ* – лось, *дыцэ* – золото, *дзы-гьуэ*-мышь, *дыгьужь*-волк, *кхьуей*-сыр, *мэкьу* – сено, *мэи* – зерновые, *цIы* – земля, *былым* – скотина, *джэду* – кошка, *жыг* – дерево, *жьы* – ветер, *псы* – вода, *мывэ* – камень, *пхьэ* – дрова, *шыд* – осел, *дагьэ* – масло, *цхьуэ* – яд, *хьушэ* – отара,

блэ – змея, гъуэгу – дорога, къаз – гусь, уэих – дождь, щлакгуэ – бурка, шыр – детеныш, альп – сказочный конь, уицлэ – войлок, тхъэмадэ – старший (тамада, дед, старик), бгы – гора, Гуащхъэ – холм, шыгъу – соль.

Перечисление само по себе образов, употребляющихся в пословицах, несет значительно меньше информации об особенностях национальной образности, чем описание их конкретных ситуационных смыслов, как правило, традиционных, приближающих эти образы к народной поэтической символической. Подобного рода исследование не является задачей данной работы, однако некоторые наблюдения свидетельствуют о продуктивности подобного рода исследований. Примером может служить анализ следующих образов: образ «къуий» – «лысый» – символ ничтожного, презираемого, никчемного объекта. «Кхъуэ» – «свинья» – образ, символизирующий средоточие самых низких качеств, «бгы, Гуащхъэ» – «гора, вершина» – символ возвышенного, прекрасного, добродетельного, например: *Щыгу здэщымылэм кхъуэр Гуащхъэм щыдокгуей* – Там, где нет человека, свинья забирается на вершину; *Кхъуэр зыщышынэн щымылэмэ, Гуащхъэм докгуей* – Свинья, если некого бояться, взбирается на курган; *Зи кхъуэ кгуэдам, «си кхъуэ кгуэдащ», желэ* – У кого пропала свинья, тот говорит: «У меня пропала свинья» (Примечание: «*Пфлэкуэдам уцлэуицлэжыну емыкрукъым*» *жыхулэщ* – Если у тебя что-то пропало, то» не стыдно спрашивать (даже если это свинья); *Кхъуэм шыгъэ иралъхъэрэ?* – Свинье бусы разве надевают? (Ср. русск.: Метать бисер перед свиньями). «Шы – лошадь» ассоциируется в сознании адыгов с благородным, возвышенным объектом, антиподом которого является «шyd – ишак» – глупость, ограниченность, отсутствие ума, например: *Шыр шыдым и гъусэмэ, шyd хъл зыхелъхъэ* – Если лошадь вместе с ослом – она перенимает его повадки; *Шyd хуэфэцэн и лъахъэщ* – У осла приличествующие (или соответствующие) ему пути; *Шым епсыхыу, шыдым шэскъым* – Слезая с лошади, не пересаживаются на осла.

Художественная выразительность, экспрессия пословиц достигается максимально точным использованием поэтических средств и приемов, сочетающихся с требованием предельного лаконизма в их использовании. Художественное совершенство пословиц с образной мотивировкой общего значения будет заключаться в употреблении точной, выразительной метафоры при отсутствии или же минимуме других образоорганизующих средств – эпитета, сравнения. Закон «экономии средств» предполагает одну образоорганизующую доминанту – метафору в сочетании с эвфоническими и ритмическими средствами и приемами. Например: *Бгъацхъуэ гушхуар жьындум жьэххуэри ишхащ* – Зазевавшийся орел (степняк) попался филину и был съеден. *Хъушэм къыкларыхуа жьмыр дьгъужьым пэцлохуэ* – Отбившаяся от стада овца попадаетея волку. *Хъумлэцлэджыр бзум зыицлэжыу лъатэри, къуаницлэхэм яшхащ* – Букашка, подражая птице, полетела и ее съели грачи: *Щлакгуэ нэхэрэ уэих нэхъ благъэщ* – Дождь ближе, чем бурка; *Быдышэр хъэкхъуафэм ираклэркъым* – Материнское молоко в пойло не льют.

Закон максимального лаконизма в использовании выразительных средств определяет незначительность применения адыгской пословицей полного сравнения, т.е. такого сравнения, где присутствует предмет, с которым сравнивают (объект сравнения), образ того, с чем сравнивают, и связующего слова или союза. Например: *Ди гъунэгъум я джэдыр къаз хуэдэщ* – Куры наших соседей как гуси. *Банэ хуэдэу зэхэплъхъэр данэ хуэдэу зэхэпхыжынищ, данэ хуэдэу зэхэплъхъэр банэ хуэдэу зэхэпхыжынищ* – То, что как колючки сложишь, разберешь как шелк; то, что как шелк складываешь, разберешь как колючки.

Проявлением вышеупомянутой тенденции к максимальному лаконизму текста обусловлено стремление свернуть сравнение, из полного сделать его минимально простым, чем мотивировано также опущение вспомогательных конструкций: союзов, союзных слов, например: *Хакгуэ мыхъу алацэщ* – Нестоящий жеребец – мерин; *Пиащэ зи щыпэдзэрэ, фызыжь мьдэжыфрэ* – Девушка, шьющая

впервые, (что) старуха, уже не умеющая шить; *Пицым ухуэлажьэмэ, бзу иццэн хуэццI, шьд ишхын фIэиш* – (Если) работаешь на пши, птичка сколько делает – сделай, ишак сколько съедает – съешь; *Уэркьым и жьэ и ццIопици, ипиц хуэдэр и джатэц* – Рот уорка – его кнут, его князь – меч; *Ныбгьуэр жьы хьумэ, адэжынэ мэхьуж* – Перепелка, когда стареет, становится стрепетом; *Лэжьбакьуэр кьыцицицтэм – цихьци, лэжьэныр зэфIэкIмэ, имансыци* – (Когда) берет на работу – святой, (когда) работа кончается – безбожник; *Былымыр уэсэпсци, ццIыхупсэр маецц (IэфIиц)* – Скот – снеговая вода, человеческое сердце – сладостно; *Зауэ зыцицицIа кьуажэрэ – ябгынэжа хэкужьэрэ* – Селение, в котором сражались, [подобно] и заброшенной, старой родине; *Кьрум шыр имыIэмэ, зы бзуц* – Журавль, не имеющий птенцов, (всего лишь) птичка.

Наиболее употребительно в адыгских пословицах сокращенное сравнение, в котором и предмет и образ как бы совмещены в одном слове. Подобные сравнения носят как бы промежуточный характер между собственно сравнением и метафорой, например: *ЛэжьэнкIэ уаишэцц, ишэнкIэ дыгьужьыц* – В работе – барсук, в еде волк; *Ахьшэр пшахьуэци, гьаццIэр нццIэццхьуэц* – Деньги – песок, жизнь – ласточка; *Бжэн мэл хьурэ, мэл бжэн хьурэ?* – (Разве) коза становится овцой, а овца – козой?

В адыгской фольклористике нет определенного представления о формах и границе сравнений, чем объясняется тот факт, что одно и то же по своей природе явление поэтики одними рассматривается как сравнение, другими как метафора. М. Талпа находил, что изобразительные средства кабардинской песни, в частности, крайне скупы и что в ней вообще малое количество метафор и сравнений. С.Ш. Аутлева, наоборот, находит, что «...самым распространенным средством поэтического языка в адыгских историко-героических песнях является сравнение и в меньшей степени метафора» [Аутлева 1973: 210]. Далее она приводит примеры, где наряду с полными развернутыми сравнениями стоят нераспространенные формы: *бгьэишхуэ хуэдэу мэлъатэ* – орлу серому подобно летит; *хьжьыем фэдэхэр уятэ игьэц* – морю подобно молоко твоего отца; *бгьэишхунэкIий макьти мэзауэ* – (словно) орлиный крик сражается; *блэ ццIыкIэу зедз* – (словно) змея бросается; *чылэм зчэскIэпцагьо кореньшыгы мэуццIу* – прикоснется он к земле- скрученным туманом становится (адыгейск.) [Аутлева 1973: 210, 211]. Г.В. Турчанинов приводит в качестве сравнений также следующие тексты: *Бгьаццхьуэ кIий макьти, мэзауэ* – Орлу серому кричащему подобный сражается; *Уэ, биймэ цынэскIэ пшэ гуэрнэрэ мэуэ* – Он врага достигнет когда, как скрученное облако становится (адыгейск.) [Турчанинов 1956: 32]. Подобные конструкции исследователь поэтики нартского эпоса А.М. Гутов считает метафорами. «Наиболее характерная форма, – отмечает он, – наречие или существительное в адыгском обстоятельственном падеже, где существительное принимает форму наречия: «батыргьан льябжьэу схуэмытьэкIуэдыж» – «(как) борщевика корни неистребимый» [Гутов 1981: 16].

Метафора – явление древнее, но установлено, что явилась она в результате развития эпитета и сравнения, в результате большего поэтического абстрагирования. Но в отличие от сравнения и эпитета здесь не называется предмет и признак. В ней соединяются одновременно два значения: переносное, которое является образом высказывания. В метафоре надо проявить активность восприятия, угадать тот предмет, который выражен данным образом, и тот признак, на основе которого сближены предмет и образ.

Вышеприведенные тексты не представляют, на наш взгляд, собственно сравнения, полного сравнения, в котором присутствует предмет (то, что сравнивается), образ (с чем сравнивается) и связующие слова, союзы. [В сравнении] «наименование признака, – по утверждению Б.В. Томашевского, – сопровождается сопоставлением характеризуемого с предметом или явлением, обладающим в полной мере данным признаком» [Томашевский 1959: 208]. Одновременно трудно

отнести их к собственно метафоре, так как объект, к которому относится данный образ, достаточно определен и присутствует в тексте. Для того чтобы образ стал чисто метафорическим, необходимо, чтобы менее определенным было присутствие (семантических) элементов уподобления, сопоставления образа и объекта.

Присутствие в адыгской поэтической системе сравнения и метафоры в их классической форме не исключает, следовательно, теоретически существования между ними промежуточной формы, тем более, что она присутствует практически и создает вышеупомянутые трудности для процесса создания номенклатуры поэтических приемов адыгского фольклора. Степень распространенности того или иного тропа определяется жанровыми, стиливыми особенностями изучаемого произведения. Выявленная закономерность, заключающаяся в стремлении к лапидарности художественной формы, свойственная жанру пословиц, в сочетании с предельной ее выразительностью подтверждается превалирующей эстетической ролью эпитета в пословицах прямого смысла. В отсутствие метафоры в пословицах прямого смысла эстетической доминантой становится эпитет. Например: *Нысэ мыхъунур жьантIажэ мэхъури, мафIэ мыхъунур цхъэм цо-лыд* – Никчемная невестка бегаёт на почетное место, никчемный огонь загорается сверху; *Ныбэр фэ цIынэци, лы цIынэци зэIокI* – Живот – сырая кожа, сырое мясо (поэтому) растягивается; *ЗыльэкI и джатэ кIыхъц* – Меч могущественного – длинный; *ЛъэIуэныр дыджц* – Просить – горько; *Нэр делэц, Iэр бланэц* – Глаза – глупые, руки – сильные; *ГъацIэр – гъуэрыгъуэ шэнтц* – Жизнь – стул, берущийся взаимно; *Жьырытэдж – шатэихц* – Рано встающий – поедающий сметану; *Гъатхэ уафэ – гъуанэц*. В пословицах с образной мотивировкой своего значения метафорический эпитет может брать на себя основную образоорганизующую функцию, например: *Дахэ и цIагъ фо цIэлъц* – Под красивым – мед лежит; *Дахэм блэр гъуэм къреш* – Красивая – змею из норы выводит; *Дахэм и цIагъ дыцэ цIэлъц* – Под красивым – золото лежит; *Зи бзэ IэфIым блэр гъуэмбым къреш* – У кого сладкий язык, (тот) змею из норы выводит; *Къуий здэццIэм мажъэ къыщрахкъым* – В присутствии лысого расческу не вынимают. Эпитет может быть выражен субстантивированным прилагательным.

В пословицах может присутствовать распространенный эпитет – определение: *Дыцэ уанэ зыгъэжыр гухъум тет псэжъым еуцIыжащ* – Золотые седла льющий, стоящую на ступе беспутную спросил. *Куэнышыбыжъ удзыр мэбатэ* – Выросшая на навозе старая трава обильна.

В пословицах, как и других произведениях устного народного поэтического творчества адыгов, употребителен суффикс –*жъы/жъ*, имеющий в зависимости от контекста разные значения: «старый», «добрый», «испытанный»: *Дыцэ унэ нэхърэ зы унэжъ* – Чем золотой дом, (лучше) старый дом; – и с негативным оттенком в значении «недобрый», «старый», «отвратительный»: *Гужъ зиIэр вакъэжъкIэ мауэ* – (У кого) недоброе сердце, (тот) бьет старым башмаком.

Для художественной стилистики пословиц и поговорок характерны (как и для нартских пшинатлей) постоянные эпитеты «дыщэ» – «золотой», «дыдж» – «горький», например: *Акъылыр лэндыцэц, гъэсэныр дыцэ жыгц* – Ум – позолота, воспитание – золотое дерево; *Сабырым и цIагъ дыцэ цIлацэ цIэлъц* – Под спокойным золотые листья лежат. Эпитет «дыдж» употребляется в значении «горький», «жестокий», «обжигаящий», например: *Къуажэтыр дыджмэ, я бгыкър эпоч* – Если князь жесток, то лопаются поясные ремни.

В адыгских пословицах употребительны также цветовые эпитеты: «хужъ» – белый, «дыфафэ» – золотистый, «фIыцIэ» – черный, «къарэ» – темный: *БэлагъыкIыр зыIыгъым хъэ къарибгъу цогугъ* – На того, кто держит конец балага (деревянная лопаточка для помешивания пищи), надеются девять темных собак: *Уэздыгъей фIыцIэ дгъэблати, вагъуэ зэрыблэкIэ тхъуэжащ* – (Мы) жгли черную лучину и сменили ее сверкающей звездой.

Определение «черный» может заменяться метафорическим эпитетом или метафорой, символизирующими для адыгов черный цвет, например: *Къуаргъэрэ нэт и шырым* «хужь цыкГукIэ» йоджэ – Ворона, и та своего птенца зовет «мой беленький».

Эпитету в составе метафорического пословичного текста свойственна черта, придающая своеобразие механизму воздействия и употребления этого тропа. (Как известно, поговорка обладает способностью восприниматься в прямом своем значении и иметь переносное. При понимании смысла поговорки на уровне ее первого – прямого значения, эпитет и представляет собой определение, выраженное большей частью прилагательным, например: *Бдзэжьей цыкГу псышхуэ итхьалэрэ?* – Маленькая рыбка (разве) тонет в большой реке? «Маленькая» в данном случае, при прямом понимании, представляет собой обозначение реальных параметров объекта, то есть рыбки. При переводе высказывания в иную плоскость – иносказательную, обусловленную ее употреблением в определенном ситуативном контексте, определение «маленькая» по отношению к «рыбке»-метафоре обретает художественно-эстетическую функцию и становится эпитетом. Примеры: *Гуацэрэ нэт данэ кланэ цоцIэ* – И княгине порой не хватает шелкового куска; *Дакъэжьми хьэцIэ къыкьуонэ* – И у старого пня остаются гости; *Къуий здэцыIэм мажьэ къыцхраккым* – В присутствии лысого расческу не вынимают; *Уи япэКIэ мывэ хьурей бгъажэмэ, ухуэзэжьынц* – (Если) будешь катить впереди себя круглый камень, то встретишься с ним.

Таким образом, художественная выразительность, экспрессия пословиц достигается максимально точным поэтических средств и приемов, сочетающийся с требованием предельного лаконизма в их использовании. Анализ принципов построения метафоры в поговорки и загадки позволяет констатировать, что денотатом того и другого метафорического образа служит объект, в самом тексте неназванный. Различие между ними состоит в том, что загадка объективирует его в виде отгадки, поговорка же – в виде контекста, определяющего ее смысл. Образы поговорок и загадок различным образом мотивированы: цель загадочного описания – завуалирование объекта отгадки; цель пословичного образа – максимальная тождественность подразумеваемому в контексте объекту. Закон максимального лаконизма в использовании выразительных средств определяет незначительность применения адыгской поговоркой полного сравнения. Наиболее употребительно в адыгских поговорках сокращенное сравнение, в котором и предмет и образ как бы совмещены в одном слове. Стремлении к лапидарности художественной формы, свойственная жанру поговорок, в сочетании с предельной ее выразительностью подтверждается превалирующей эстетической ролью эпитета в поговорках прямого смысла.

Источники и литература

1. Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические народные песни XV–XVIII вв. Нальчик, 1973. 228 с.
2. Баигъэз М.И. Рефераты. Загадко-поговорки и проблема паремиологической трансформации // Паремиологический сборник. М., 1978. С. 317–318.
3. Готов А.М. Адыгские сказания о нартах // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / ред. Е.В. Гиппиуса. Т. 2. М., 1981. С. 5–16.
4. Дандис А. О структуре поговорки // Паремиологический сборник. М., 1978. С. 13–34.
5. Кравцов Н.И. Историческая поэтика фольклора (Общие вопросы) // Фольклор: Поэтическая система. М., 1977. С. 6–13.
6. Кууси М. Загадко-поговорки и проблема паремиологической трансформации // Паремиологический сборник. М., 1978. С. 315–316.

7. Кудаева З.Ж. Паремиологические жанры адыгского фольклора: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М., 1986. 21 с.
8. Кудаева З.Ж. Особенности художественной структуры адыгских паремий // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 1994. С. 152–163.
9. Кудаева З.Ж. Адыгские загадки. Нальчик: Эльбрус 1997. 160 с.
10. Милнер Дж. Загадко-пословицы и проблема паремиологической трансформации // Паремиологический сборник. М.: Наука, 1978. С. 317.
11. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). М.: Наука, 1970. 240 с.
12. Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. С. 247–274.
13. Томашевский Б.В. Стилистика и стихосложение: курс лекций. Л., 1959. 535 с.
14. Турчанинов Г.В. Введение // Ш.Б. Нога. Филологические труды. Нальчик, 1956. Т. I. С. 24–39.
15. Чужакова Н.М. Художественные особенности адыгских сатирических пословиц и поговорок // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2013. № 3 (27). С. 44–46.

VISUAL-STYLE MEANS AND RECEPTIONS OF ADYG PROVERBS: METAPHOR, COMPARISON, EPITHET

Kudaeva Zinaida Zhantemirovna, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Russian and Foreign Literature, Social and Humanitarian Institute of Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekova, zina_777@bk.ru

The article explores some basic techniques of figurative and stylistic organization of Adyghe proverbs. The article sets the task of revealing the laws and principles of the artistic construction of Adyghe proverbs using metaphors, comparisons and epithets. The indicated means of creating the artistic expressiveness of the proverb are considered not only as separate components of the poetic means that form the genre, but also in comparison, in particular, with the poetic features of the organization of the image in the genre of riddle, which undergo a comparative analysis from the point of view of the image object that they distinguish from reality. The features of the use of these figurative-style means, identified as a result of the study, will help determine the genre identity of Adyghe proverbs, which, in turn, will allow us to come closer to solving the general problems of Adyghe folklore poetics. As a result of the study, similarities and differences between the methods and objects of the image, similar for the type of metaphorical proverbs and puzzles, were revealed; the specificity of use in Adyghe proverbs of comparison and epithet is determined.

Keywords: Adyghe proverbs, poetics, metaphor, epithet, comparison.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-1-43-116-123